

УДК 81-114

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-20-23

**НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ДОРЖИ БАНЗАРОВА В ЯЗЫКОЗНАНИИ —
ПРЕДПОСЫЛКА СОВРЕМЕННЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

© Раднаева Любовь Дашинимаевна

доктор филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

radnaeva.ljubov@gmail.com

Показано формирование лингвистического образования и эрудиции Доржи Банзарова, его научные интересы в области языкознания, влияние трудов, мыслей, заметок, публицистических записей ученого на современные лингвистические исследования, в частности на теоретические и экспериментально-фонетические исследования.

Ключевые слова: языкознание, научные интересы, лингвистическое образование, фонологические критерии, фонетика, фонемы, современные исследования.

**SCIENTIFIC INTERESTS OF DORZHI BANZAROV IN LINGUISTICS —
A BACKGROUND OF MODERN PHONETIC RESEARCH***Ljubov D. Radnaeva*

Dr. Sci., A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

radnaeva.ljubov@gmail.com

The article is devoted to the formation of linguistic education and erudition of Dorzhi Banzarov, his scientific interests in the field of linguistics, the influence of works, thoughts, notes, journalistic notes of the scientist on modern linguistic research, in particular, theoretical and experimental phonetic research.

Keywords: linguistics, scientific interests, linguistic education, phonological criteria, phonetics, phonemes, modern research.

Доржи Банзаров (1822–1855), первый бурятский ученый, лингвист, историк, этнограф, переводчик, востоковед, прожил короткую, но яркую, интересную, насыщенную событиями и научными поисками жизнь. Его лингвистическое образование берет истоки в Атамано-Николаевском училище и Троицкосавской русско-монгольской войсковой школе. Талантливый ученик продолжил учебу в Казанской мужской гимназии и Императорском Казанском университете — центре научной мысли и просвещения Российской империи. В гимназические и университетские годы Доржи Банзаров изучал восточные языки: монгольский, калмыцкий, маньчжурский, турецкий, татарский и санскрит. Свободно читал и переводил рукописи на европейских языках: английском, немецком, русском, французском и латыни. В Казани в течение 16–17 лет Доржи Банзаров, находясь в гуще научных событий и открытий в области востоковедения, в окружении своих соратников, выдающихся учителей и профессоров О. М. Ковалевского (1801–1878), А. А. Бобровникова (1822–1865), О. П. Войцеховского (1793–1850) и др., написал и перевел ряд известных работ, отражающих широкие научные интересы ученого в разных областях языкознания, истории, географии, источниковедения, эпиграфики [Банзаров, 1997].

Задолго до создания восточного факультета СПбГУ (1854) в период короткого пребывания Доржи Банзарова в Санкт-Петербурге (1847 г.) он активно сотрудничал с ориента-

листами, выпускниками Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьевым (1816–1881), автором «Истории монголов», и П. С. Савельевым (1814–1859), автором работ по арабистике и археологии Азии, а также с И. Я. Шмидтом (1779–1847), автором «Истории восточных монголов» и «Монгольской грамматики», и И. Я. Бичуриным (1777–1847), известным востоковедом-синологом.

Доржи Банзаров во многом предвосхитил современные лингвистические исследования в области общей фонетики, в частности теории письма, графики и орфографии, документирования, транслитерации и транскрибирования речи, активно разрабатываемые в лингвистике XX–XXI вв. Так, ученый интересовался дешифровкой текстов *пайцз* у монголов дочи́нгисовой эпохи, представив в своих статьях варианты транслитерации их содержания и перевода, а также охарактеризовал два рода *пайцз* как знаки отличия и документы. Доржи Банзаров занимался анализом надписи на каменной стеле *Исунке* (Есунке) и первым из монголоведов предложил перевод памятника уйгуро-монгольской письменности «Чингисов камень». «Рассуждения Доржи Банзарова по поводу слова *mongke*, написанные 100 лет назад, перекликаются с объяснениями Н. Н. Поппе (1897–1991), В. Л. Котвича (1872–1944)» [Раднаев, 2012, с. 289]. Изучая в университете маньчжурский язык, Доржи Банзаров в 1846 г. задокументировал (говоря современным языком) лексику изучаемого языка в сравнении с русскими и монгольскими словами в «Маньчжурско-русско-монгольском словаре» [Банзаров, 1846], рукопись которого «принадлежит библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского университета» [Румянцев, 1955].

Известно, что Доржи Банзаров как носитель бурятского, калмыцкого и монгольского языков оказал неоценимую помощь в написании «Граматики монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова [1849]. В ней, в частности, автор грамматики обращает внимание на соотношение письменной формы языка и устной речи. Единицы описания устной звуковой формы языка с одной стороны, и письменной — с другой автор представляет как «грамматику книжно-разговорного монгольского языка» [Там же, 1849, с. 6]. Определение звукового состава языков, соотношение звука и буквы, слогообразование и словообразование монгольских языков, волновавшие молодого ученого Доржи Банзарова и его современников, нашло продолжение в трудах Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), основателя Казанской и Петербургской лингвистических школ, разработавшего теорию фонемы и фонетических чередований и положившего начало экспериментальной фонетике и математическим методам в лингвистике. Фонологическая теория позволила внести ясность в определение статуса единицы *фонемы* по отношению к монгольской группе языков и выработать лингвистические критерии ее определения.

В качестве примера автор настоящей статьи рассматривает критерии определения фонологического статуса *гласных и согласных* фонем на примере одного из монгольских языков — бурятского. Состав и фонологическая система по-разному представлены в работах лингвистов [Бураев, 1959; Золхоев, 1980; Раднаев, 1989; Будаев, 1998]. На основе принципов Санкт-Петербургской фонологической школы [Зиндер, 1979; Касевич, 1983, Щерба, 1983] автор провела акустико-перцептивное исследование и экспериментально определила 18 гласных и 27 согласных фонем бурятского языка, впервые установив при этом для них следующие знаки *фонематической* транскрипции на основе Международного фонетического алфавита: гласные /i/, /i:/, /ĩ:/, /e/, /e:/, /œɛ/, /ɛ:/, /a/, /a:/, /ɔ/, /ɔ:/, /ə:/, /ʊ/, /u:/, /ui/, /u/, /u:/, /ui/); согласные /p/, /pʲ/, /t/, /tʲ/, /b/, /bʲ/, /d/, /dʲ/, /g/, /gʲ/, /m/, /mʲ/, /n/, /nʲ/, /ŋ/, /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, /x/, /xʲ/, /h/, /l/, /lʲ/, /r/, /rʲ/, /j/ [Раднаева, 2003].

Правила транскрибирования комбинаторно-позиционного варьирования фонем в речи отражены в *фонетической* (аллофонной) транскрипции. Краткие гласные фонемы /a/, /ɔ/,

/e/ в непервых слогах слова реализуются в позиционно-комбинаторных аллофонах [ɮ], [ɛ], [ə], например, *шара* /ʃɑɣɮ/ ‘желтый’, *томо* [tɔmɛ] ‘большой’, *нэгэтэй* [neɣətɛ:] ‘однолетний’.

Фонетическая реализация фонемы /g/ обусловлена сингармоническим рядом. В условиях твердого сингармонического ряда, в позиции абсолютного начала слова перед гласными /ɑ/, /ɑ:/, /ɔ/, /ɔ:/, /u/, /u:/, /ui/, /сее/, /ε:/ фонема /g/ реализуется в качестве смычного, увулярного, твердого, звонкого, шумного аллофона [ɢ] *гар* [ɢɑɣ] ‘рука’, *ганса* [ɢɑnsɮ]. В интервокальном положении между гласными фонемами: /ɑ/, /ɑ:/, /ɔ/, /ɔ:/, /u/, /u:/, /ui/, /сее/, /ε:/ фонема /g/ реализуется как щелевой, увулярный, шумный, твердый аллофон, который в фонетической транскрипции обозначается знаком [ɣ] *байгаали* [be:ɣɑ:li] ‘природа’.

В условиях мягкого сингармонического ряда, т. е. в позиции перед гласными фонемами /e/, /e:/, /ɵ/, /u/, /u:/, /ui/ фонема /g/ реализуется в качестве смычного, заднеязычного, шумного, твердого аллофона [g] *гэр* [gɛɣ] ‘дом’, *гут* [gut] (*част.*). В интервокальном положении между гласными фонемами /e/, /e:/, /ɵ/, /u/, /u:/, /ui/ фонема /g/ реализуется как щелевой, заднеязычный, шумный, твердый аллофон, который в фонетической транскрипции обозначается знаком [ɣ̣] *үгэнүүд* [uɣ̣ɛnu:t] ‘слова’, *нэрэгүй* [neɣɛɣui] ‘без имени’.

Таким образом, фонема /g/ реализуется в речи в четырех комбинаторно-позиционных аллофонах [g], [ɣ̣], [ɢ], [ɣ], которые отражаются на письме одной буквой <г>. Фонема /x/ реализуется в аллофонах /x/ и [χ] в соответствующих сингармонических рядах *хара* [χɑɣɮ] ‘черный’, *хэлэн* [χɛlɛŋ] ‘язык’.

Современники Доржи Банзарова и его предшественники, осознавая акустическую комбинаторно-позиционную вариативность гласных и согласных, предпринимали попытки отразить их аллофонное варьирование на письме, документируя тексты в письменных памятниках и трудах, расшифровка которых до сих пор остается предметом дискуссий. Знаки фонематической и фонетической (аллофонной) транскрипции являются современным и достоверным инструментом для анализа текстов с целью разрешения некоторых филологических вопросов.

Лингвистические интересы Доржи Банзарова, упомянутые выше, и многие другие взгляды ученого освещены в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Научные взгляды Доржи Банзарова важны с точки зрения теоретического представления филологических единиц языка и фонетического (акустического и перцептивного) описания реализаций фонем в процессе речевой деятельности.

Литература

1. Банзаров Д. Собрание сочинений / отв. ред. Д. Б. Улымжиев, предисл. В. Ц. Найдакова; РАН, Сиб. отд-ние, Бурят. ин-т обществ. наук. 2-е, доп. изд. Улан-Удэ: РИО БНЦ СО РАН, 1997. 240 с.
2. Банзаров Д. Маньчжурско-русско-монгольский словарь. Рукопись. 1846.
3. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Типогр. Казанского ун-та, 1849. 403 с.
4. Будаев Ц. Б. Буряад хэлэн: абяануудые, өгэнэ өдые өзэлгэ. Улан-Удэ, 1998. 82 с.
5. Бураев И. Д. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959. 194 с.
6. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
7. Золжоев В. И. Фонология и морфонология агглютинативных языков. Новосибирск, 1980. 144 с.

8. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.
9. Раднаев В. Э. Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. (Т. 1. Ч. 1). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.
10. Раднаева Л. Д. Звуковая форма современного бурятского языка (теоретические и практические аспекты качественного и количественного анализа): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 450 с.
11. Раднаева Л. Д. Критерии определения фонологического статуса фонем и состав фонем // Университетский научный журнал. СПб., 2016. № 18. С. 189–193.
12. Раднаев Э. Р. Буряад хэлэнэй фонэтикэ. Улан-Удэ, 1989. 86 с.
13. Румянцев Г. Н. Примечания // Д. Банзаров. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
14. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л.: Наука, 1983. 169 с.